

В.В. Радаев
НИУ «Высшая школа экономики», Москва

Экономическая теория, экономическая социология и грядущее перекраивание карты социальных наук

Аннотация. В статье рассматриваются причины появления и основные направления развития новой экономической социологии, обратившейся на рубеже 1980-х годов к изучению рынков и других тем, которые до этого традиционно считались экономическими, отчасти в ответ на нарастающее вторжение экономистов в области социальных наук. Выявляются принципиальные различия подходов, применяемых в экономической теории и экономической социологии, в том числе к исследованию одних и тех же объектов. Указывается на рождение нового кризиса в социальных науках, затрагивающего обе дисциплины и вызванного прагматическим поворотом в самих социальных науках и алгоритмическим поворотом, связанным с утверждением платформенного капитализма. Кратко анализируются трансформация структуры современного капитализма в процессе формирования платформенной экономики. Показаны принципиальные сдвиги в характере социальных отношений, обусловленные вторжением материальных объектов. Демонстрируется, как алгоритмическое управление меняет существующие модели человеческого поведения, подрывая его автономию и культивируя новые формы инструментальной рациональности. Подчеркивается, что происходящие изменения порождают новые вызовы и для социологии, и для экономической теории.

Ключевые слова: *экономическая теория, новая экономическая социология, платформенная экономика, кризис социальных наук.*

Классификация JEL: A12, A14, D01, Z13.

Для цитирования: **Радаев В.В.** (2025). Экономическая теория, экономическая социология и грядущее перекраивание карты социальных наук // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 4 (69). С. 233–249.

DOI: 10.31737/22212264_2025_4_233-249

EDN: IWYCGK

1. Введение

Особенности экономической теории и ее место в предметном поле социальных наук остаются не вполне проясненным вопросом. Мы рассмотрим данный вопрос на примере взаимоотношений экономической теории и экономической социологии. Исторически эти отношения складывались по-разному. В XIX в. между двумя дисциплинами еще отсутствуют сколько-нибудь четкие границы. На поле будущей экономической социологии в большей степени работают экономисты альтернативных направлений по отношению к либеральной политической экономии (социалисты, старая немецкая историческая школа и такие авторы, как Ф. Лист). И четко развести эти дисциплины в период их первоначального синтеза непросто. Например, кто возьмется однозначно определить, кем был Карл Маркс – экономистом, социологом или моральным философом? На рубеже XX в. начинается период взаимного обособления социальных дисциплин и достигается бóльшая определенность. В ходе профессионализации происходит выковывание методологических ядер и их зачистка от «чуждых наслоений». Вопреки отдельным попыткам наведения мостов (например, М. Вебером

со стороны социологии или Й. Шумпетером со стороны экономической теории) центробежные силы в движении двух дисциплин одерживают верх. В результате с 1930-х годов наступает продолжительный период взаимного игнорирования. Ни экономисты, ни социологи по большому счету не интересуются тем, что происходит в «соседнем лагере» и редко вторгаются в чужие области. И хотя социологи активно занимаются, например, проблемами трудовых отношений, чисто экономическая сторона вопроса их интересует далеко не в первую очередь (Радаев, 2005).

Взаимоотношения между экономистами и социологами, если они все же сталкивались, по свидетельству Р. Сведберга, всегда были очень непросты (Swedberg, 1987). Социологи не раз развязывали споры с экономистами (О. Конт в середине XIX в., А. Смолл – на рубеже XX в., Т. Парсонс – в середине XX в.), но не добивались особого успеха. Основная причина, нам кажется, коренится в укреплении позитивистских стандартов того, что можно и нужно считать «подлинной наукой». И с этой точки зрения экономическая теория, бесспорно, выглядела и выглядит предпочтительней.

Что происходило с экономической социологией в дальнейшем? Как различаются экономические и социологические подходы к изучению одних и тех же объектов? Возможно ли какое-то объединение двух дисциплин? Кратко рассмотрим эти вопросы, в данной статье мы сфокусируемся на грядущем кризисе, который с высокой вероятностью затронет обе дисциплины и способен привести к перекраиванию всей карты социальных наук.

2. Когда и как появилась новая экономическая социология

Важной вехой для развития социологических исследований стало возникновение на рубеже 1980-х годов исследовательского течения, вскоре получившего название *новой экономической социологии*. Сначала оно формировалось преимущественно в США, затем перекинулось в Европу и начало расползаться по другим континентам. Параллельно, как бы из самой почвы, выросли разные социологические направления, объединяемые стремлением как-то переосмыслить подходы к экономическим процессам (Радаев, 2007). Социологи начали заниматься вопросами, которые до этого считались сугубо экономическими (изучение разных рынков, а после кризиса 2008 г. – и сферы финансов). То, что очень условно называлось «Пактом Роббинса–Парсонса» о разделении исследовательских областей между экономической теорией и социологией, если когда-либо и существовало, то окончательно рухнуло. Экономисты, естественно, этого не заметили.

Новая экономическая социология предложила широкую исследовательскую программу, в рамках которой развивалось сразу несколько направлений. В их числе необходимо упомянуть организационную экологию, где рынок предстает как совокупность ниш, за которые конкурируют разные популяции организаций (М. Хэннан, Дж. Фримен, Г. Кэрролл, Х. Олдрич); сетевой подход, анализирующий рынки как совокупность устойчивых и селективных связей между его участниками (Р. Бёрт, М. Грановеттер, У. Пауэлл, Д. Старк, Б. Уци); разные вариации неинституционализма, акцентирующего роль формальных и неформальных правил в функционировании рынков (Н. Биггарт, П. Димаджио, Дж. Мейер, В. Ни, Н. Флигстин); разновидность политико-экономического подхода, ана-

лизирующего роль властных отношений, а также взаимодействие между государством и рынком (Ф. Блок, Б. Каррутерс, П. Эванс); социокультурные исследования, представляющие рынки как культурные конструкты (М. Аболафия, Ф. Доббин, В. Зелизер); феноменологический подход, определяющий рынок с точки зрения совокупности intersubjectивных значений, выработанных его участниками (П. Асперс, К. Кнорр-Цетина); политико-культурный подход, предлагающий понимание рынка как системы стратегических действий в организационных полях (Д. Макадам, Н. Флигстин) (Радаев, 2007). В результате в экономической социологии возникла более или менее общая исследовательская платформа, но утверждать, что произошло создание единой социологической теории, едва ли возможно. Социология остается мультипарадигмальной дисциплиной и, вдобавок, испытывает извечные трудности в фиксации собственных аксиоматических оснований.

Институционализация новой экономической социологии тоже пошла полным ходом. В 1992–1994 гг. появились резюмирующие сборники работ (Granovetter, Swedberg, 1992; Smelser, Swedberg, 1994), возникали специализированные секции в ведущих профессиональных ассоциациях — комитет «Хозяйство и общество» в Международной социологической ассоциации (ISA) (1986 г.), Общество по развитию социо-экономики (SASE), в которую влились многие социологи (1989 г.), исследовательская сеть по экономической социологии в Европейской социологической ассоциации (ESA) (1993 г.), позднее соорганизовалась самая мощная экономико-социологическая секция — в Американской социологической ассоциации (ASA) (2001 г.). Не обошли эти течения и нашу страну. Параллельно в 1980-е годы возникла Новосибирская экономико-социологическая школа (Заславская, 2006), а с начала 2000-х годов основной центр экономической социологии переместился в НИУ ВШЭ (Радаев, 2006).

Все эти направления, по сути, возникали на фоне растущей неудовлетворенности ходом глобального социально-экономического развития с энергетическим кризисом 1970-х годов, периодическими рецессиями, лопнувшим пузырем доткомов в 2000 г., и особенно финансовым кризисом 2008 г., более всего ударившим по населению. Дополнительное напряжение было также вызвано тем, что на фоне происходящих кризисов нарастало неравенство доходов и еще более — накопленного богатства, ярко продемонстрированное Т. Пикетти (Пикетти, 2015). Еще одной важной причиной стало усиление неравенства между странами с продолжающейся эксплуатацией периферии центром, концептуализированной среди социологов И. Валлерстайном (Валлерстайн, 2001) и закрепляемой политикой глобалистских организаций, проваливших немало реформ в развивающихся странах.

Социологов (и не только), несомненно, насторожил взлет неолиберализма и его утверждение в ряде стран в качестве ведущей модели экономической политики с приходом Маргарет Тэтчер (1979–1990 гг.), Рональда Рейгана (1980–1988 гг.) и чуть ранее Аугусто Пиночета (1973–1990 гг.), а также важный поворот в идеологии, произошедший с развалом СССР и социалистического лагеря, вылившийся в представление о «конце истории» с окончательной победой либеральной идеологии (Фукуяма, 2009). У этих представлений было немало критиков в рядах видных экономистов, но реакция социологов была намного

более критичной. Да и сам термин «неолиберализм» в высокой степени превратился в своего рода ругательство (Капелюшников, 2025). Разумеется, наибольшее неприятие у социологов вызывали не идеи личной свободы и саморазвития человека, выросшие из основ классического либерализма, но идеи саморегулирующегося рынка. А более всего раздражали универсальные модели в социальных науках и единые решения в экономической политике, пригодные для всех времен и народов и настойчиво продвигаемые некоторыми группами экономистов, которых в том числе презрительно называли «чикагскими мальчиками».

Наконец, немалую роль сыграло возникшее еще в 1960-е годы движение экономического империализма, связанное с вторжением экономистов в широкий круг областей, которыми ранее занимались социальные науки, причем с почти полным игнорированием того, что было создано ранее социологами и другими социальными исследователями (Радаев, 2008)¹. Оно родилось из сочетания веры в универсальность экономического подхода и ощущения неполноты самой экономической теории. Речь идет в первую очередь о теориях рационального выбора, новой институциональной экономической теории, позднее о сетевом анализе. Параллельно шло вторжение поведенческой экономики в сферы психологии, а новой политической экономией активно осваивались поля политической науки. Вскоре фактически не осталось места, куда бы ни ступила нога экономиста без особого внимания к прежним обитателям этого места.

Встречное движение социологов на первых порах было во многом защитной реакцией. Но лучшей защитой казалось нападение. И вскоре не осталось рынков, где бы ни побывали со своими исследованиями социологи. Экономисты в силу своей самодостаточности не заметили и этого. Но для социологов это было важное расширение объектного поля, и экономическая социология превратилась в одно из ключевых направлений всей социологии (Радаев, 2007). Добавим, что в последний период экономсоциологи начали сдвигаться в сторону политической экономии, возвращаясь от изучения отдельных рынков к теме капитализма в его обновляющихся формах (Evans, 2023; Fourcade et al., 2023).

Характерно, что, несмотря на усиливавшееся пересечение объектов изучения, развитие социальных наук продолжалось параллельно. Так называемая департаментализация с годами только усилилась. Экономисты по-прежнему игнорируют то, что сделано социологами, причем не потому что не находили ничего подходящего, а потому что и не искали. Трудно найти у экономистов пусть даже и критические ссылки на работы социологов. А экономсоциологи хотя и чаще обращают внимание на экономические работы, но, к сожалению, критика с их стороны чаще похожа на ритуальное лягание экономистов без содержательного изучения их разносторонних взглядов. Взаимное непонимание поддерживается терминологическими различиями — для характеристики одних и тех же процессов экономисты и социологи часто используют разные термины. Привычные рассуждения о грядущей междисциплинарности оставались без реального воплощения, не возникало ни устойчивого сотрудничества, ни даже сколько-нибудь обстоятельного содержательного обсуждения проблем на пересечении дис-

¹ Это движение, получившее, возможно, не самое удачное, но устоявшееся наименование *экономического империализма*, как правило, связывается с именем Гэри Беккера (Беккер, 2003), смело взявшегося за освоение проблем дискриминации, преступлений, человеческого капитала, потребительских вкусов и семьи, но его идейные основы возникли значительно раньше. Методологически все необходимое для экономического империализма можно найти, например, в трудах Филиппа Уикстиды еще в начале прошлого века (Капелюшников, 2025). Кроме этого, экономический империализм воплотился в широком использовании математических методов для изучения широкого круга социальных проблем под флагом экономической теории, но без особого экономического содержания (Полтерович, 2011).

циплин. Нет и реальной конкуренции, поскольку в каждом хозяйстве возделываются собственные грядки. Счастливые исключения только подтверждают правило. Соглашаясь с тем, что выгоды от предлагаемого «общего социального анализа» (Полтерович, 2011) вполне очевидны, однако реальные перспективы такого единения более чем туманны.

3. Чем различаются экономисты и социологи

В понимании различий между экономистами и социологами сохраняется немало стереотипных представлений и откровенных заблуждений. Первое заключается в том, что у них – различные *объекты исследования*. Однако с разделением объектных областей сразу же возникают явные затруднения. Попробуйте определить, где заканчивается сфера «экономики» и начинается «общество». Сразу выяснится, что границы объектов исследования разных дисциплин крайне условны и размыты, они не закреплены жестко за этими дисциплинами. Нет никаких отдельных областей, называемых «экономикой» и «обществом», корректно их разделить невозможно даже аналитически, поскольку экономика образуется совокупностью экономических действий, совершаемых в любых сферах. Более того, все чаще экономисты и социологи обращаются к изучению одних и тех же объектов, играя на одном поле (например, изучают одни и те же рынки) (Радаев, 2005).

Второе заблуждение усматривает различия в *методах сбора данных*. Действительно, экономисты-эмпирики чаще прибегают к агрегированным показателям национальной статистики. А социологи в большей степени сами занимаются производством данных. Кроме этого, социологи демонстрируют большее, по сравнению с экономистами, разнообразие методов их сбора, включая анкетные опросы, углубленные интервью, фокус-группы, включенное наблюдение (Смелсер, Сведберг, 2004). Но экономисты все чаще используют опросные данные и другие социологические методы (Полтерович, 2011), поэтому основной междисциплинарный водораздел явно находится не здесь – методы тоже все более пересекаются.

Есть различия и в *методах анализа данных*. Экономисты в большей степени тяготеют к формальным математическим моделям и применяют более сложные эконометрические формулы. А модели социологов часто менее строгие в формальном отношении, имеют более «мягкий», качественный характер. Среди статистических техник социологи чаще используют методы вроде факторного и кластерного анализов, не популярных среди экономистов. Но регрессионный анализ тоже активно применяют социологи. И в целом разница в методах анализа данных также не столь принципиальна.

Наиболее же существенное различие между экономической теорией и экономической социологией, на наш взгляд, заключается в *подходах к моделированию человеческого действия*, проистекающих из разнородных аксиоматических оснований. Эти дисциплины различаются не тем, *что* они изучают, а тем, *как* они это делают и какие *типы задач* перед собою ставят. Быть экономистом или социологом – значит применять соответствующий подход к изучению разных (а в пределе – любых) объектов (Радаев, 2005).

Чем различаются эти подходы? Основной водораздел – в базовом представлении о способах принятия решений. Экономисты, как правило, исходят из того, что человек принимает решения независимо, исходя из собственных предпочтений (Автономов, 2020, с. 43–45), а социологи – из того, что любые экономические действия укоренены в социальных отношениях. Это не означает, что социологи отрицают принцип методологического индивидуализма, тем более что сам этот принцип был разработан в рамках социологии М. Вебером (Гамбовцев, 2008). Просто они трактуют индивидуализм иначе. И далее, подходы социологов различаются в зависимости от того, какие аспекты из общей зонтичной категории социальных отношений они кладут в основание своих исследований: структурные связи (различия групп, организаций, сетевых устройств), институциональные устройства (формальные и неформальные), властные взаимодействия или культурные основания (ценностные, символические). Причем во всех этих случаях социальные отношения рассматриваются не как внешние ограничения и силы трения, а как конституирующая сила, определяющая само содержание и направленность экономических действий.

Характерно, что *интенции экономистов и социологов* при изучении одних и тех же объектов не просто различны, но порою прямо противоположны. Экономисты берутся за объяснение весьма сложных материй (формирование цен, движение финансовых потоков, и т.п.) и пытаются свести их объяснение, в конечном счете, к простым и обыденным основаниям, к логике здравого смысла и способам поведения обычных («средних») людей. Социология же, напротив, занимается очень «простыми» явлениями, над которыми мы обычно не даем себе труда задумываться, воспринимая их на уровне здравого смысла, и пытается проблематизировать эти явления, показывая, что за их кажущейся простотой скрывается богатое и разнообразное содержание. В итоге экономическая теория производит редукцию к обыденному, а экономическая социология – проблематизацию обыденного (Радаев, 2005).

Далее, экономисты ищут универсальные связи в разнообразии, а социологи, наоборот, выявляют типовые различия и особенности, они ориентированы на поиск специфического, тяготеют к кластеризации признаков и к разного рода типологизациям.

Экономисты пытаются выявлять наиболее существенные зависимости, что побуждает их укорачивать список анализируемых переменных и упрощать связи между ними, зачастую пренебрегая реалистичностью предпосылок. А социология, напротив, стремится всячески расширять список используемых переменных, пытаясь повысить реалистичность закладываемых предпосылок; в ней в целом – больше описательности. Достигать же одновременно точности и реалистичности, к сожалению, затруднительно.

Экономисты больше тяготеют к предсказаниям, занимаясь экстраполяцией своих выводов на будущее. А социологи довольно скептически относятся к предсказаниям и значительно чаще обращаются к прошлому, реконструируя социальные связи.

Есть различия и в отношении практической политики. Экономисты более ориентированы на то, чтобы влиять на текущую политику, и более успешны в этом деле. Социологи же всегда более фокусировались на социальной

критике. Они также были и менее влиятельными политически. Ведь политиков интересуют именно краткосрочные предсказания, в которых социологи как раз несильны. Пусть даже экономисты постоянно ошибаются в своих прогнозах, но они тут же предлагают новые, а о прежних прогнозах уже никто предпочитает не вспоминать.

Есть серьезные различия и в использовании интеллектуальных традиций. Экономисты в большей степени тяготеют к позитивистскому взгляду на накопление знания, меньше обращаются к толкованию собственных классиков, и разрыв между современной теорией и историей мысли здесь более ощутим. В социологии же современная теория куда более явно опирается на классические источники, постоянно возвращается к классике, подвергая ее все новым и новым интерпретациям, двигаясь по своеобразной спирали (Smelser, Swedberg, 1994).

Подчеркнем, что при описании всех этих различий мы не считаем какие-то подходы «более правильными», чем другие, понимая, что у каждого есть свои преимущества и ограничения.

Как выглядит корпорация экономистов, с точки зрения социологов? Этот взгляд любопытным образом выразила представитель экономической социологии Марион Фуркад со своими коллегами (Фуркад, Ольон, Альган, 2015). На их взгляд, по сравнению с другими социальными дисциплинами экономическая теория более обособлена и эгоцентрична, демонстрирует высокий уровень внутридисциплинарного цитирования, превышающий 80% (в других социальных науках – менее 60%). При всем выросшем многообразии подходов экономическая теория опирается на более унифицированную парадигму и относительно единые стандарты оценки, более жесткие институциональные иерархии университетов и академических журналов. Экономисты менее других склонны к кооперации и поддержке междисциплинарного знания. У них более высокие технические издержки входа в профессию и более сложные публикационные процедуры. В качестве вознаграждения за эти трудности они в среднем лучше оплачиваются и имеют больше возможностей для перехода в практический консалтинг и бизнес-школы. Все это порождает своего рода снобизм экономистов, которые считают экономическую теорию самой научной из всех социальных наук. Они намекают на то, что не случайно только у них есть Нобелевская премия (Фуркад, Ольон, Альган, 2015). На этом фоне корпорация социологов выглядит слабее, социологи малочисленны и более разрознены, в том числе в силу развившейся мультипарадигмальности и неспособности предъявить интегрированную аксиоматическую базу.

4. На пороге нового кризиса социальных наук

Итак, социальные науки не слишком хорошо ладят друг с другом, а еще чаще игнорируют друг друга, под ритуальные заклинания про перспективы междисциплинарности. Но при всех упомянутых различиях мы полагаем, что в дальнейшем нас ожидает не растущее противостояние экономической теории с социологией и другими социальными науками, а скорее кризис всех социальных наук, включая и обе эти дисциплины. Причем речь идет не о перманентном кризисе как встроенном элементе нормального развития рефлексивных дисциплин. Подобный кризис в полной мере осознается экономистами, которые увязывают

его с рядом причин – столкновением разных канонов в самой экономической теории, не оправдавшей претензией на статус точной науки по образу и подобию физики, неспособностью предсказать экономические катаклизмы и пр. (Полтерович, 2022). В социологии же кризис ощущается еще острее, и он давно превратился в ее обычное состояние. Мы далее будем рассуждать о другом – о постепенном размывании границ и последующей фрагментации социальных наук в завершение полного цикла их дисциплинарного развития, о котором мы писали еще пару десятилетий назад (Радаев, 2005). Этот процесс ускоряют происходящие в наше время (отчасти уже произошедшие) два важных наддисциплинарных парадигмальных сдвига, которые ведут, в конечном счете, к перекраиванию карты социальных наук.

Первый сдвиг можно назвать *прагматическим поворотом*, в ходе которого верх начинают брать дисциплины, которые построены по синтетическому принципу, – что-то они берут от экономической теории, что-то – от социологии, что-то – от психологии без погружения в глубину их методологических оснований и без особого внимания к исследовательским традициям. Так в своеобразном виде реализуется «междисциплинарность» – в виде, отличном от первоначальных высоких замыслов. Эти дисциплины проповедуют откровенный прагматизм, под которым понимается не столько стремление к лучшему отражению реальности, сколько попытки ее конструирования. Речь идет о таком изучении объекта, которое одновременно должно спроектировать его иное, более эффективное состояние. Иными словами, вопрос «что происходит?» замещается вопросом «как сделать?». Здесь былая модельная альтернатива между человеком экономическим и человеком социологическим (Вайзе, 1993) начинает замещаться другой альтернативой – между человеком познающим и человеком делающим. Несколько утрируя, можно утверждать, что в долгосрочной тенденции экономическая теория уступает место менеджменту, социология – маркетингу, психология – личностному консультированию, а политическая наука – политтехнологиям.

Второй сдвиг вызван *алгоритмическим поворотом*. Он начался относительно недавно и связан с экспансией новых организационных форм и цифровых технологий в виде платформенной экономики и искусственного интеллекта. И в данном случае мы имеем в виду нечто большее, чем вытеснение работников с их рабочих мест и автоматизация бизнес-процессов. Речь идет уже о происходящем фундаментальном изменении структуры современного капитализма, характера социальных отношений и представлений о моделях человеческого поведения. На этих новых явлениях стоит остановиться подробнее.

5. Логика платформенного капитализма

В критической социальной теории уже сформировалось убеждение в том, что на организационной базе платформенной экономики складывается не просто *еще один хозяйственный уклад*, но *новый тип социально-экономического устройства* – «надзорный капитализм» (Зубофф, 2022), или «платформенный капитализм» (Срничек, 2019), связанный с растущим господством цифровых платформ и внедрением алгоритмического управления (Старк, Паис, 2021)². Некоторым даже кажется, что наступает конец капитализма как такового (Варуфакис, 2025). С технологической стороны, *платформа* – это программируемая цифровая

² К началу 2020-х годов, например, в экономике США под влиянием платформ уже находится около 70% всей сферы услуг, причем половина этой доли относится к прямым эффектам (Kenney, Bearson, Zysman, 2021).

инфраструктура, предоставляющая возможности для взаимодействия пространственно распределенных агентов. Но важнее то, что на этой технологической основе сформирована *новая рыночная бизнес-модель*, которая инвертирует процесс производства, *освобождая его во многом от физических носителей*. Главным сырьем здесь становятся данные о поведении людей – как побочный продукт поиска и коммуникации пользователей на платформе.

Платформы создают технологии оцифровки, извлечения, хранения, обработки, анализа и репрезентации поведенческих данных. Эти данные присваиваются платформами в качестве свободно доступного сырья в одностороннем порядке без уведомления пользователей или с сугубо формальным уведомлением. Спектр собираемых данных постоянно ширится, распространяясь из виртуального в реальный мир, где фиксируются местонахождение, покупки, разговоры и другие формы поведения людей, постепенно захватывая также их мотивы и эмоции. В распоряжении технологических компаний накапливаются все возрастающие запасы «теневых знаний». Сначала собранные данные используются для улучшения качества поиска и других пользовательских услуг, а затем – для извлечения прибыли путем таргетирования рекламы на конкретных пользователей, которая формирует основную часть доходов крупнейших платформ. Важно, что рекламодателям продается не само сырье, а переработанный продукт в виде прогнозов, или так называемых *поведенческих фьючерсов* (Зубофф, 2022, 2025).

Поскольку самое надежное средство повысить точность предсказаний – не ограничиваться слежением, но *изменять поведение* в сторону гарантированного исхода, технологические компании присваивают себе права изменять чужое поведение и менять его без ведома пользователей – скрытно, массово и почти при полном отсутствии сдерживающих социальных и правовых механизмов (Зубофф, 2022; Варуфакис, 2025). Подобные действия продиктованы, с одной стороны, мотивами извлечения прибыли, а с другой стороны – мотивами социального контроля.

На место былого принуждения и культивирования норм приходит *подталкивание* (*nudge*), ассоциируемое с именем провозвестника либертарианского патернализма и нобелевского лауреата Ричарда Талера. Подталкивание определяется как побуждение людей изменять их поведение без формальных и видимых ограничений и без применения физического и нормативного принуждения. Оно связано с целенаправленным структурированием ситуаций для получения желаемого исхода. Подталкивание реализуется через множество средств, среди которых активно используются: подстройка поиска, настойчивые рекомендации и манипулирование информацией; апелляция к экономическому интересу через предоставление индивидуальных бонусов или скидок; мобилизация социальных сетей; эксплуатация игровых технологий; внушение и передача эмоциональных состояний (побуждение к сопереживанию). К подталкиванию относится любой аспект процесса принятия решения, побуждающий людей изменять свое поведение определенным образом без видимых запретов (Талер, Санстейн, 2018).

6. К новым постсоциальным отношениям

Как новая форма хозяйственного устройства меняет характер социальных отношений, на изучение которых ориентированы в той или иной степени все социальные науки? Еще в середине 1980-х годов, задолго до возникновения

платформенного капитализма, приверженцами исследований науки и технологий (science and technology studies) в рамках акторно-сетевой теории говорилось о том, что материальные объекты (вещи, артефакты) становятся действующими единицами социальных отношений наряду с человеческими существами (Латур, 2014). Это предполагало иное видение самих социальных отношений: «Наплыв объектных миров ведет к трансформации моделей связей между людьми, которую можно обозначить понятием постсоциальных форм. Эти формы включают объектные отношения, в которых объектами выступают неживые предметы» (Кнорр-Цетина, Брюггер, 2004, 445).

Вторжение вещей в социальные отношения развивается в соответствии с определенной логикой: оно движется от опосредования отношений живых существ (вплоть до физического соединения с ними) к взаимодействию с живыми существами, а далее к постепенному замещению человеческих отношений. На первом шаге, в результате быстро прогрессирующей оцифровки повседневной жизни, фактически все поведение и все социальные отношения уже *опосредуются* или вскоре будут опосредоваться электронными устройствами. Но технологии – не просто пассивный инструмент или некий внешний фактор. Поэтому вторым шагом электронные устройства и датчики вплетаются в саму ткань повседневной жизни, которая все более протекает в виртуальных мирах. Более того, происходит их *встраивание* в само тело человека. В этом компьютеризированном мире социальные отношения превращаются в код и возвращаются людям уже после прохождения через фильтр машинных алгоритмов.

Третий шаг делается, когда за опосредованием отношений следует *непосредственное взаимодействие* живых и неживых существ. С внедрением роботов (голосовых помощников, чат-ботов, роботов-операторов), наделенных самообучающимся искусственным интеллектом, взаимодействие между человеческими и нечеловеческими существами становится все более распространенным и сложным, что позволяет утверждать о возникновении своего рода «искусственной социальности» (Резаев, 2020). Здесь все труднее отличить живое от неживого, поскольку неживые объекты становятся все более автономными и все успешнее имитируют живые. И происходит не просто перенос привычных способов взаимодействия, но возникновение новых итерационных процессов обращения с неживыми существами (Абрамов, Катечкина, 2022).

Далее выясняется, что машины во многом совершеннее людей, они реагируют быстрее и, в отличие от большинства людей, учатся на ошибках других. В автоматизированной системе отношения между живыми людьми воспринимаются скорее как «силы трения», порождающие досадные излишние барьеры для присвоения данных и дополнительную неопределенность от непоследовательности человеческих действий и недостаточности их знаний. Искомая же определенность достигается с помощью интеллектуальных алгоритмов. И следует четвертый логический шаг – от *простой автоматизации* общественных процессов к *замещению* социальных отношений машинными процессами. *Машинные отношения начинают претендовать на то, чтобы стать ключевой моделью социальных отношений.* И если ранее поведение машин (роботов) конструировали под людей, сейчас поведение людей начинают конструировать под машины (Зубофф, 2022).

С усилением власти машин попутно падает потребность в доверии к людям, которое всегда сопряжено с неизбежными элементами неопределенности и риска (отношения между людьми изменчивы и хрупки). Возникает новая, на вид более прочная форма *укорененности* отношений — в интеллектуальных алгоритмах. Все это ставит перед социальными науками ряд новых вопросов, связанных с необходимостью понимания характера новых постсоциальных отношений и проектирования собственного будущего в изменившихся условиях.

7. Модель человека и новая рациональность

Идеи подталкивания опираются в том числе на прозрения поведенческой экономики, которая, в отличие от мейнстрима экономической теории, исходившей из рациональности человеческого поведения, доказывала, что человеческое мышление и поведение зачастую иррациональны, чреватые ошибками и когнитивными сбоями, нуждаются в коррекции (Канеман, 2014). С этих позиций свободный выбор человека начинает трактоваться как случайный (неупорядоченный), проистекающий из недостаточного знания и неспособности просчитать собственное будущее. В этом смысле подталкивание к желаемому выбору (предположительно наилучшему для самого человека) делает поведение более устойчивым и более предсказуемым, т.е. более рациональным. Вдобавок подталкивающие алгоритмы выглядят нейтрально. И хотя они способны порождать новые формы неравенства, оспорить их оказывается сложнее (Burgell, Fourcade, 2021).

В связи с этим возникает еще один важный вопрос — о формировании *нового типа рациональности*. Начнем с того, что в условиях господства машинных алгоритмов делается попытка отказаться от предпочитаемой социологами субстантивной рациональности, основанной на дифференцированных ценностях и нормах, в пользу формальной, сугубо инструментальной (практической) рациональности, тяготеющей вдобавок к универсализму, против которого социологи долго и настойчиво боролись. И может показаться, что дело движется к оправданию постулатов экономической теории. Но этим дело не ограничивается и формальная рациональность тоже претерпевает существенные изменения. На место «старой» индивидуальной рациональности, построенной на свободном выборе в пользу собственного интереса (пусть иногда и ошибочном в силу своей субъективности), приходит *новая надиндивидуальная рациональность, основанная на алгоритмических решениях*. Эта новая рациональность преодолевает неопределенность, подчиняя поведение коммерческим интересам рынка и потребностям социального контроля. В итоге, если раньше вопрос о том, в какой степени человек соответствует модели Homo Economicus, был предметом академических дискуссий, то сегодня человека без особых дискуссий выстраивают под эту модель и зарабатывают сотни долларов в год на каждом активном пользователе (Черешнев, 2022, с. 170).

В целом мы сталкиваемся с очередной попыткой *разукоренения* рынка в его постоянном стремлении отвязаться от социальных отношений, на которое указывал еще Карл Полаanyi (Полаanyi, 1993). Это стремление никогда не возникало на пустом месте. И в настоящее время оно эксплуатирует реальный системный запрос на индивидуализированное потребление и накопленную усталость от институциональных ограничений. Наступление рынка разворачивается под

риторику освобождения повседневной жизни от устаревших институтов, призывы «сбросить оковы» и погрузиться в мир высоких технологий.

Еще одно важное следствие на микроуровне сопряжено с прогрессирующим *замещением автономии человека внешним контролем*, когда выбор (почти) добровольно делегируется машинным алгоритмам (Радаев, 2022). Эти алгоритмы подстраиваются под человека и его/ее интересы, делая выбор более эффективным и комфортным, но затем замыкают человека в информационные пузыри (Паризер, 2012). А далее алгоритмы постепенно подстраивают индивида под себя, предлагая то, что дают большинству, и начинают подмешивать к его/ее выбору чужие интересы. Подталкивание к лучшему для себя выбору (*nudge*) может легко трансформироваться в создание затруднений такого выбора (*sludge*), в терминах Р. Талера. В этих условиях автономия человека, понимаемая не просто как независимость от других, но как способность самостоятельно создавать смыслы и совершать свой выбор, заменяется гетерономией (внешним регулированием), а свободный выбор во многом становится иллюзией, замещаясь предписанным выбором.

В свою очередь, человеческая воля, или способность действовать вопреки, как неотъемлемый элемент автономии замещается подкреплением и подталкиванием, снимая с человека излишнее напряжение и делая жизнь более комфортной, поскольку освобождает его/ее от дополнительных усилий и бремени неопределенности. В результате большинство людей добровольно (хотя и при постоянном подталкивании) передоверяют свое право на автономию и свободный выбор автоматизированным системам, размывая это право на бесплатный доступ к информации, персонализацию сервисов, удобства коммуникации и желанную определенность. И здесь уже подрываются методологические основания не только социологии, но, видимо, и экономической теории.

Прогрессирующее в социальных сетях размывание границ между публичным и частным наносит еще один серьезный удар по автономии человека, не существующей без частности и без возможности уединения (физического и духовного). Попутно ставится под вопрос одна из основных предпосылок, на которой базируется экономическая теория, — независимость человека в принятии экономических решений. Возникает своеобразный парадокс: если ранее экономическая социология всеми средствами отстаивала идеи социальной укоренности человеческих действий, то теперь, похоже, ей придется бороться за восстановление автономии человека (Радаев, 2022).

8. Вызовы для социологии и других социальных наук (заключение)

Поскольку логика платформенной экономики во многом строится вокруг изучения поведения людей, ее разворачивание непосредственно затрагивает социологию и ее перспективы. И здесь отметим несколько важных трендов. Во-первых, изучение поведения движется от специальных периодических исследований к постоянному сбору больших данных, образуемых как побочный продукт повседневной деятельности, независимо от намерений исследователей (Губа, 2021; McFarland, Lewis, Goldberg, 2015). Во-вторых, происходит переход от выборочных наблюдений, на которых в основном базировалась социология, к сплошному (тотальному) надзору. В-третьих, появилась возможность перейти от соци-

альных типологий и статистических агрегатов (еще одна специфика социологии) к фиксации поведения каждого конкретного человека. В-четвертых, наблюдается движение от научно обоснованных предположений (привычных социологических гипотез) к точному (просчитанному) знанию о поведении. В-пятых, предлагается переходить от общих теорий к предсказанию запросов и поведения фактически без всякой теории. Наконец, в-шестых, наряду с анализом поведения людей появляются возможности воздействовать на это поведение. Причем речь идет уже не о былом общем («ковровом») воздействии на поведение (например, с помощью традиционной рекламы), а к таргетированному (персонализированному) воздействию. Иными словами, предлагается переходить от научных *исследований* (в том числе социологических) к *слежению* на основе сбора больших данных и от него – к поведенческой инженерии (Радаев, 2022).

Остается добавить, что все эти вызовы в полный рост встают не только перед современной социологией, но и перед экономической теорией и другими социальными науками. По сути, описанные тенденции ведут к подрыву оснований социальных наук. Этому способствует и текущий политический контекст. Политическая переориентация в сторону борьбы за технологический суверенитет укрепляет эти сдвиги, понижая статус социальных наук как «недостаточно технологичных». Различия между экономической теорией и экономической социологией в этом отношении оказываются второстепенными. Социальные науки, конечно, не погибнут (ничто не умирает окончательно). Однако, с одной стороны, усиливается опасность того, что теория будет и дальше распадаться на множество случаев, о чем с тревогой давно писал В.М. Полтерович (Полтерович, 2011). С другой же стороны, теория рискует мутировать в нечто, называемое «вычислительными социальными науками», все более превращаясь в разновидность социального программирования.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Абрамов Р.Н., Катечкина В.М.** (2022). Социальные аспекты взаимодействия человека и робота: опыт экспериментального исследования // *Журнал социологии и социальной антропологии*. Т. 25. № 2. С. 214–243. [**Abramov R.N., Katechkina V.M.** (2022). Social aspects of human-robot interaction: Experimental research experience. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 25 (2), 214–243 (in Russian).]
- Автономов В.С.** (2020). *В поисках человека: очерки по истории и методологии экономической науки*. М., СПб.: Изд-во Института Гайдара; Смольный факультет свободных искусств и наук СПбГУ. [**Avtonomov V.S.** (2020). *Searching for the man: Essays on history and methodology of economic science*. Moscow, Saint-Petersburg: Gaidar Institute Publishing House; Smolny Faculty of Liberal Arts of the Saint-Petersburg State University (in Russian).]
- Беккер Г.** (2003). *Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории*. М.: ГУ ВШЭ. [**Becker G.** (2003). *Human behavior: Selected works on economic theory*. Moscow: HSE University (in Russian).]
- Вайзе П.** (1993). Homo economicus и homo sociologicus: монстры социальных наук // *THESIS*. Т. 1. Вып. 3. С. 115–130. [**Weise P.** (1993). Homo economicus and homo sociologicus: Monsters of social sciences. *THESIS*, 1 (3), 115–130 (in Russian).]

- Валлерстайн И.** (2001). *Анализ мировых систем и ситуация в современном мире*. СПб.: Университетская книга. [Wallerstein I. (2001). *World-system analysis and situation in the contemporary world*. Saint Petersburg: Universitetskaja kniga (in Russian).]
- Варуфакис Я.** (2025). *Технофеодализм: что убило капитализм*. М.: Ад Маргинем Пресс. [Varoufakis Ya. (2025). *Technofeudalism: What killed capitalism*. Moscow: Ad Marginem Press (in Russian).]
- Губа К.С.** (2021). Большие данные в исследовании науки: новое исследовательское поле // *Социологические исследования*. № 6. С. 24–33. [Guba K.S. (2021). Big data in studies of science: New research field. *Sociological Studies*, 6, 24–33 (in Russian).]
- Заславская Т.И.** (2006). Развитие Новосибирской экономико-социологической школы как процесс формирования новой методологии изучения российского общества. В кн.: «*Экономическая социология: автопортреты*». В.В. Радаев, М.С. Добрякова (отв. ред.). М.: Изд. дом Высшей школы экономики. С. 454–485. [Zaslavskaya T.I. (2006). Development of the Novosibirsk economic sociology school as a process of formation of a new methodology for studying the Russian society. In: “*Economic sociology: Self-portraits*”. V.V. Radaev, M.S. Dobryakova (resp. eds.). Moscow: HSE University Publishing House, 454–485 (in Russian).]
- Зубофф Ш.** (2022). *Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти*. М.: Издательство Института Гайдара. [Zuboff S. (2022). *The age of surveillance capitalism: The fight for a human future at the new frontiers of power*. Moscow: Gaidar Institute Publishing House (in Russian).]
- Зубофф Ш.** (2025). *Надзорный капитализм или демократия?* М.: Издательство Института Гайдара. [Zuboff S. (2022). *Surveillance capitalism or democracy?* Moscow: Gaidar Institute Publishing House (in Russian).]
- Канеман Д.** (2014). *Думай медленно... Решай быстро*. М.: АСТ. [Kahneman D. (2014). *Thinking, fast and slow*. Moscow: AST (in Russian). Originally published by N.Y.: Farrar, Straus & Giroux in 2011.]
- Капелюшников Р.И.** (2025). *Экономические очерки. История идей, методология, культура и экономика, рынок труда*. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ. [Kapelyushnikov R.I. (2025). *Economic essays: History of thought, methodology, culture and economy, labor market*. Moscow: HSE University Publishing House (in Russian).]
- Кнорр-Цетина К., Брюггер У.** (2004). Рынок как объект привязанности: исследование постсоциальных отношений на финансовых рынках. В кн.: «*Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики*». Сост. и научн. ред. В.В. Радаев. М.: РОССПЭН. С. 445–468. [Knorr-Cetina K., Bruegger U. (2004). The market as an object of attachment: Exploring postsocial relations in financial markets. In: “*Western economic sociology: Handbook of contemporary classics*”. Radaev V.V. (sci. ed.) Moscow: Rosspen, 445–468 (in Russian).]
- Латур Б.** (2014). *Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию* / пер. с англ. М.: Изд. дом «Высшая школа экономики». [Latour B. (2014). *Reassembling the social. An introduction to actor-network-theory*. Transl. from English. Moscow: HSE University Publishing House (in Russian). Originally published by N.Y.: Oxford University Press Inc., in 2005.]

- Паризер Э.** (2012). *За стеной фильтров. Что Интернет скрывает от вас?* М.: Альпина Бизнес Букс. [Pariser E. (2012). *The filter bubble: What the internet is hiding from you*. Moscow: Alpina Business Books (in Russian). First published by N.Y.: Penguin Press, in 2011.]
- Пикетти Т.** (2015). *Капитал в XXI веке*. М.: Ad Marginem. [Piketty T. (2015). *Capital in the Twenty-First Century*. Moscow: Ad Marginem (in Russian). Originally published in English by Cambridge: Harvard Univ. Press, in 2014.]
- Поляни К.** (1993). Саморегулирующийся рынок и фиктивные товары: труд, земля и деньги // *THESIS*. Т. 1. Вып. 2. С. 10–17. [Polanyi K. (1993). The self-regulating market and the fictitious commodities: Labor, land and money. *THESIS*, 1 (2), 10–17 (in Russian). Originally published in: Polanyi K. (1944). *The Great Transformation*. N.Y.: Farrar & Rinehart, Inc., 68–76.]
- Полтерович В.М.** (2011). Становление общего социального анализа // *Общественные науки и современность*. № 2. С. 101–111. [Polterovich V.M. (2011). Emergence of the general social analysis. *Social Sciences and Contemporary World*, 2, 101–111 (in Russian).]
- Полтерович В.М.** (2022). На пути к общей теории социально-экономического развития: к синтезу двух канонов // *Вопросы теоретической экономики*. № 1. С. 55–65. [Polterovich V.M. (2022). On the way to a general theory of socio-economic development: Towards the synthesis of two canons. *Issues of Economic Theory*, 1, 55–65 (in Russian).]
- Радаев В.В.** (2005). *Экономическая социология*. М.: Изд. дом «Высшая школа экономики». [Radaev V.V. (2005). *Economic Sociology*. Moscow: HSE University Publishing House (in Russian).]
- Радаев В.В.** (2006). Экономическая социология в России: становление, институционализация и основные направления исследований. *Экономическая социология: автопортреты*. Радаев В.В., Добрякова М.С. (отв. ред.). М.: Изд. дом «Высшая школа экономики». С. 379–413. [Radaev V.V. (2006). Economic sociology in Russia: Emergence, institutionalization and main currents. In: “*Economic sociology: Self-portraits*”. V.V. Radaev, M.S. Dobryakova (resp. eds.). Moscow: HSE University Publishing House, 379–413 (in Russian).]
- Радаев В.В.** (2007). Современные экономико-социологические концепции рынка // *Анализ рынков в современной экономической социологии*. Отв. ред. В.В. Радаев, М.С. Добрякова. М.: Изд. дом «Высшей школы экономики». С. 21–60. [Radaev V.V. (2007). Contemporary economic sociology concepts of the market. In: “*Analysis of the markets in contemporary economic sociology*”. V.V. Radaev, M.S. Dobryakova (resp. eds.). Moscow: HSE University Publishing House, 21–60 (in Russian).]
- Радаев В.В.** (2008). Экономические империалисты наступают! Что делать социологам? // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 116–123. [Radaev V.V. (2008). Economic imperialists are advancing! What should sociologists do? *Social Sciences and Contemporary World*, 6, 116–123 (in Russian).]
- Радаев В.В.** (2022). Экспансия платформ как вызов социологии // *Социологические исследования*. № 12. С. 15–28. [Radaev V.V. (2022). Platform expansion as a challenge to the sociology. *Sociological Studies*, 12, 15–28 (in Russian).]
- Резаев А.В.** (ред.) (2020). От искусственного интеллекта к искусственной социальности. М.: ВЦИОМ. [Rezayev A.V. (ed.) (2020). *From artificial intelligence to artificial sociality*. Moscow: VCIOM (in Russian).]

- Сафронов Э.Е.** (2021). Трансформации капитализма в XXI веке: концепция «надзорного капитализма» Шосаны Зубофф // *Социологические исследования*. № 4. С. 165–172. [Safronov E.E. (2021). Transformation of capitalism in the 21st century: “Surveillance capitalism” concept by Shoshana Zuboff. *Sociological Studies*, 4, 165–172 (in Russian).]
- Срничек Н.** (2019). *Капитализм платформ*. М.: Изд. дом «Изд. дом «Высшая школа экономики». [Srnicek N. (2019). *Platform capitalism*. Moscow: HSE University Publishing House (in Russian).]
- Старк Д., Паис И.** (2021). Алгоритмическое управление в экономике платформ // *Экономическая социология*. Т. 22. № 3. С. 71–103. [Stark D., Pais I. (2021). Algorithmic management in the platform economy. *Journal of Economic Sociology*, 22 (3), 71–103 (in Russian).]
- Талер Р., Санстейн К.** (2017). *Nudge. Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье*. Пер. с англ., 2-е изд. М.: Манн, Иванов и Фербер. [Thaler R., Sunstein C. (2017). *Nudge. The architecture of choice. Improving decisions about health, wealth, and happiness*. 2^d ed. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber (in Russian). Originally published by Yale University Press, in 2008.]
- Тамбовцев В.Л.** (2008). Перспективы «экономического империализма» // *Общественные науки и современность*. № 5. С. 129–136. [Tambovtsev V.L. (2008). Prospects for “economic imperialism”. *Social Sciences and Contemporaneity*, 5, 129–136 (in Russian).]
- Фукуяма Ф.** (2009). *Конец истории и последний человек*. Пер. с англ. М.: АСТ. [Fukuyama F. (2009). *The end of history and the last man*. Transl. from English. Moscow: AST (in Russian). Originally published by Free Press, in 1992.]
- Фуркад М., Оллон Э., Альган Я.** (2015). Превосходство экономистов // *Вопросы экономики*. № 7. С. 45–72. [Fourcade M., Ollion E., Algan Y. (2015). The superiority of economists. *Voprosy Ekonomiki*, 7, 45–72 (in Russian). Originally published by *Journal of Economic Perspectives*, 2015, 29, 1, 89–114.]
- Черешнев Е.** (2022). *Форма жизни № 4: Как остаться человеком в эпоху расцвета искусственного интеллекта*. М.: Альпина Паблишер. [Chereshnev E. (2022). *Life form, 4: How to stay human in the age of flourishing artificial intelligence*. Moscow: Alpina Publisher (in Russian).]
- Burrell J., Fourcade M.** (2021). The society of algorithms. *Annual Review of Sociology*, 47, 213–237.
- Evans P.** (2023). From embedded autonomy to counter-hegemonic globalization: A 60-year adventure in exploring comparative political economy. *Annual Review of Sociology*, 49, 1–18.
- Fourcade M., Beckert J., Fligstein N., Carruthers B.** (2023). Reflections on the field of socio-economics. *Socio-Economic Review*, 21, 703–720.
- Granovetter M., Swedberg R.** (eds.) (1992). *The sociology of economic life*. 2^d ed. Boulder: Westview Press.
- Kenney M., Bearson D., Zysman J.** (2021). The platform economy matures: Measuring pervasiveness and exploring power. *Socio-Economic Review*, 19 (4), 1451–1484.
- McFarland D.A., Lewis K., Goldberg A.** (2015). Sociology in the era of big data: The ascent of forensic social science. *American Sociologist*, 47 (1), 12–35.
- Smelser N., Swedberg R.** (eds.) (1994). *The Handbook of Economic Sociology*. Princeton: Princeton University Press.
- Swedberg R.** (1987). Economic sociology: Past and present. *Current Sociology*, 35, 1, 1–221.

Поступила в редакцию 24.10.2025

Received 24.10.2025

V.V. Radaev
HSE University, Moscow, Russia

Economic theory, economic sociology, and the upcoming redrawing of the social sciences map

Abstract. The article examines the reasons for the emergence and main trends of the new economic sociology, which at the turn of the 1980s began studying markets and other topics traditionally considered economic in response to the growing invasion of economists into the social sciences. The fundamental differences between the approaches used in economic theory and economic sociology, including the study of the same objects, are revealed. The new crisis in the social sciences affecting both disciplines and caused by pragmatic shift in social sciences and algorithmic shift caused by the formation of the platform capitalism is highlighted. The article briefly analyzes the structure of contemporary capitalism due to emerging platform economy, and modifications in the nature of social relations due to penetration of material objects. It demonstrates how the algorithmic management undermines the existing models of human behavior by weakening human autonomy and cultivating new forms of instrumental rationality. The article emphasizes that ongoing changes generate new challenges for both sociology and economic theory.

Keywords: *economic theory, new economic sociology, platform economy, crisis of social sciences.*

JEL Classification: A12, A14, D01, Z13.

For reference: **Radaev V.V.** (2025). Economic theory, economic sociology, and the upcoming redrawing of the social sciences map. *Journal of the New Economic Association*, 4 (69), 233–249 (in Russian).

DOI: 10.31737/22212264_2025_4_233-249

EDN: IWYCGK